

И. Е. АНДРОНОВ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ “ИСТОРИИ БИОГРАФИЙ”

Новаторская концепция изучения богословского содержания творчества М. Флация Иллирика, предложенная в новом труде Л. Илича (Pić L. Theologian of Sin and Grace. The Process of Radicalization in the Theology of Matthias Flacius Illyricus. Göttingen; Bristol, CT: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014), рассматривается на фоне сложившихся в исторической литературе традиций изучения крупнейшего лютеранского церковного историка.

Ключевые слова: история Церкви, лютеранское богословие, М. Флаций, XVI век.

Творчество знаменитого лютеранского богослова и историка Матиаса Флация Иллирика (1520–1575) привлекло внимание историков в середине XIX в.: в 1859–1861 гг. В. Прегер опубликовал двухтомное исследование, заложившее основу долгой исторической традиции, которая заключалась, прежде всего, в изучении творчества этого многогранного деятеля сквозь призму его собственной биографии, протекавшей на фоне событий бурной политической и религиозной истории. Недавно вышедшие исследования Луки Илича и Харальда Болбука¹ подтверждают эту традицию, придавая ей в то же время новое звучание и стимулируя внимание коллег новаторскими подходами и новым материалом. Вполне вероятно, эти сочинения станут началом новой волны исследовательского интереса к этому персонажу и его произведениям.

Матиас Флаций (Матия Влачич) родился в 1520 г. в Альбоне, на полуострове Истрия. Мать мальчика происходила из итальянской дворянской семьи; отец Андреа Влачич был выходцем из среды разбогатевших хорватских плебеев. Начальное образование Матия получил от отца и частных учителей, а в возрасте 16 лет был направлен на учёбу в столицу – Венецию. Венеция была в эти годы средоточием итальянского религиозного свободомыслия и протестных настроений в адрес католической церкви. Отказавшись от перспективы церковной карьеры и разочаровавшись в гуманистических занятиях, Флаций направился учиться в Германию. Укрепившись в своих протестантских воззрениях, он в 1541 г. осел в Виттенберге, где закончил университет и вошел в круг ближайших соратников Лютера и Меланхтона. Там же появились на свет его первые богословские сочинения.

В 1549 г. Флаций переехал в Магдебург. Вплоть до Тридцатилетней войны этот город играл важнейшую роль в интеллектуальной жизни лю-

¹ См. также: Bollbuck 2014.

теранского лагеря. Флаций отличился в полемике против Аугсбургского Интерима 1548 года. Основная критика пришлась на выдвинутое Меланхтоном понятие «адиафора» – буквально «несущественное», т.е. то, чем можно пожертвовать ради компромисса с Римом. Поддержав Кальвина, Флаций стал вскоре основным критиком как этого понятия, так и породившего его принципа. В те же годы разгорелся и спор относительно роли добрых дел в Спасении (т.н. Майористский диспут). Параллельно велись диспуты о природе Оправдания, о правилах интерпретации Священного Писания, о Евхаристии. Там же, в Магдебурге, постепенно сложился замысел основных историко-церковных сочинений Флация – «Каталога свидетелей Истины» и «Магдебургских Центурий».

С 1557 г. Флаций поселился в Саксонии, став профессором только что образованного Йенского университета. Там он активно выступал по поводу Вормского религиозного диспута и в острой дискуссии о роли свободной воли человека (т.н. синергистский спор). Его мышление становилось всё более радикальным, что привело к глубокому конфликту с властями и университетской средой. В 1562 г. Флация изгнали из Йены и он был вынужден долго скитаться, часто – тайно, по городам Германии. С этого момента его вовлеченность в процесс создания «Магдебургских центурий» стала сокращаться и через несколько лет сошла на нет. Последовавший в конце 1560-х гг. конфликт рассорил его с другими ветеранами проекта, и авторский коллектив распался окончательно.

До 1566 г. Флаций жил в Регенсбурге, затем – в Антверпене и Страсбурге. Последние годы жизни он провёл в конфликтах, прочертивших окончательную границу между лютеранством и кальвинизмом (т.н. «спор о крипто-кальвинизме», разгоревшийся в 1562 г.), в острой дискуссии о евхаристии. В эти же годы он работает над своим основным сочинением по библейской экзегезе – «Ключом к Св. Писанию»². Часто приводится высказывание Г.-Г. Гадамера, назвавшего этот текст «первой важной работой по герменевтике»³; главной проблемой, поднятой в этой книге, был вопрос о первородном грехе в лютеранской теологии. Трактовка Флация настолько расходилась с основным течением в лютеранстве, что стала поводом к новым яростным спорам; последние годы жизни Флация ушли на защиту от обвинений в ереси, написание апологий, выступления в диспутах, проводившихся в различных городах Германии. Скончался Флаций в 1575 г. во Франкфурте-на Майне.

Историки изучают творчество Флация, главным образом, применительно к историко-церковным сочинениям («Магдебургским центуриям» и в последние десятилетия – «Каталогу свидетелей истины»); остальные работы исследовались гораздо меньше, некоторые вообще лишь упоминались. Историки религии обращали основное внимание на роль Флация

² Clavis Scripturae Sacrae, 2 v., Basel, Episcopius, 1580-81.

³ Gadamer 1966: 215-225.

в полемике, на некоторые аспекты его теологии. Таким образом, историзм его богословия и особенности теологических построений в историко-церковных произведениях долго оставались «на обочине» исследований. Разрешение этого противоречия, заполнение сложившихся за два столетия изысканий глубоких лакун – дело ближайшего времени; недавняя работа Л. Илича вносит в это весомый вклад.

Сложилась две параллельные линии изучения творческой биографии Флация Иллирика. Одна может быть условно названа «немецкой» и ведет начало с середины XIX в.⁴; первым взявшимся за эту тему историком-профессионалом стал знаменитый историк религии и богослов Вильгельм Прегер. Гюнтер Молденке в 1936 г. выступил с проектом сочинения «Восприятие и значение Писания в эпоху Реформации», выпустив посвященный целиком Флацию первый том⁵. Различные обстоятельства не позволили ученому продолжить труд ни сразу же, ни после войны, однако книга сыграла важную роль. Молденке был учеником Эриха Зееберга и представлял новое поколение сложившейся в Берлинском университете евангелической историко-церковной школы, которая выдвинула на первый план проблему экзегезы Писания как основного маркера принадлежности к тому или иному явлению или течению церковной истории. Вследствие этого, история изучалась через посредство написанных в определенную эпоху текстов (почти исключительно богословского содержания), в отрыве от исторических перипетий и других внешних по отношению к церковной истории факторов. Г. Молденке собрал массу известных ему текстов Флация, как опубликованных, так и рукописных (многие автографы Флация после его смерти были выкуплены и хранятся в Библиотеке герцога Августа в Вольфенбюттеле). С исторической точки зрения показанная Молденке картина имела один большой недостаток – она не учитывала динамики, перемены во взглядах, которая неизбежно возникала под влиянием тех или иных событий. Тем не менее, книга стимулировала интерес к творчеству Флация, а также плодотворность на данном этапе герменевтического подхода⁶. Своего рода «компромиссом» между герменевтикой и историей протестантского богословия стали фундаментальные исследования Петера Майнхольда (тоже ученика Э. Зееберга), позволившие создать стройную историю протестантских учений и совместить ее с историей церковной историографии⁷. Данная исследовательская линия, для которой характерно помещение Флация в самый широкий исторический контекст и фактическое игнорирование его идейных или национальных корней, конечно, отнюдь не исчерпывается перечисленными выше работами.

⁴ Важной точкой отсчета стала публикация: Twesten 1844.

⁵ Schriftverständnis und Schriftdeutung im Zeitalter der Reformation. 1936.

⁶ Ещё один пример – замечательное исследование финского историка, опубликованное в Швеции на немецком языке: Haikola 1952.

⁷ Meinhold 1967.

Другая линия, напротив, придает особое значение условиям формирования личности и взглядов Флация, его контактам с другими лицами и современным событиям. Пионерами в этих изысканиях выступили хорватские (тогда еще югославские) историки⁸. Их интерес к теме как тогда, так и позднее объяснялся потребностью в поиске национальной идентичности, противостоянии культурной унификации социалистического лагеря и СФРЮ. Безусловно, роль Флация в становлении хорватской культуры весьма заметна, однако навязчивое подчеркивание его роли в лютеранстве, выдвигание его на положение непосредственного идейного наследника Лютера несколько искажают историческую перспективу. В частности, споры Флация с Меланхтоном и последующий конфликт между лютеранскими лидерами толковались порой как своего рода борьба за интеллектуальное наследство. Последним крупным явлением из этой историографической линии является отлично изданная, богато иллюстрированная книга американского исследователя Оливера Олсона⁹. Историк перенял положительные аспекты поиска национальных корней, изучения духовной и интеллектуальной среды во всех городах, в которых жил Флаций на протяжении своей полной скитаний жизни. К этому он добавил нечто очень важное, выйдя далеко за пределы народов или «стран», в контекст которых Флаций уже давно был вписан. Интернационализация этого персонажа оказалась очень плодотворным подходом.

Наконец, в 2014 г. вышло посвященное Флацию исследование хорватского историка и лютеранского священника Луки Илича «Богослов Греха и Благодати»¹⁰, которое, как представляется, объединяет в себе преимущества обеих линий. С одной стороны, книга построена на творческом наследии Флация, причем в орбиту исследования включены как богословские сочинения, так и работы по церковной истории и другим отраслям знаний. За основу выбран хронологический принцип, а целью исследования является эволюция взглядов Флация. При всем богатстве предшествующей историографической традиции, перед нами – уникальный подход и замечательная работа. Содержащийся в ней материал интересен, прежде всего, историкам, но представляет ценность и для специалистов по историографии, а также, разумеется, по богословским дисциплинам. Стержнем данного сочинения является концепция отхода Флация от умеренного и компромиссного направления, олицетворяемого Меланхтоном, в сторону радикального лютеранства. Сама по себе эта концепция отнюдь не нова – историки воспринимают т.н. «гнесиолютеранство» Флация (позицию, занятую в адиафористском споре) как гораздо более широкое понятие и даже характеристику его богословия в

⁸ Mirković 1960.

⁹ Olson 2002. К сожалению, книга обрывается примерно на середине биографии Флация, что позволяет надеяться на появление однажды второго тома.

¹⁰ Ilić 2014.

целом. Нам бы не хотелось судить о том, насколько это верно, однако очевидно, что ригоризм Флация, его тенденция следовать не только духу, но и букве учения Лютера не были имманентно присущими ему факторами, а развились вследствие определенных внешних причин.

Книга Илича дает ответ на многие вопросы, связанные с переменами в мышлении и мировосприятии Флация. Названный историком «радикализацией» процесс разделен на этапы, которые прослеживаются через группирование его богословских представлений по периодам жизни. Биография Флация тоже вплетена в структуру книги, однако представлена совершенно по-новому: не через реконструкцию событий одного за другим (Прегер), и не через изучение связей и контактов (Олсон). Илич придает особое значение переломным моментам в его жизни, в первую очередь – тем, которые привели к резким изменениям в его занятиях и взглядах. Такой подход производит оригинальный и даже отчасти неожиданный эффект: процесс конфессионализации, характерный для всего германоязычного мира этой эпохи, предстает не как нечто вызванное проповедью Лютера и последующими столкновениями богословов, не как единое явление, а как длительный процесс, ставший реальностью вследствие решений и инициатив множества людей, причем не обязательно связанных с богословием.

Деятельность богословов (и Флация в том числе) была важной, но не единственной причиной конфессионализации. Повсеместное проникновение новых религиозных настроений, публикаторская деятельность участников межконфессионального конфликта вовлекали в него широкие массы людей, и по необходимости диспут становился все менее специфичным и все более доступным сравнительно широкой читающей публике. Деятельность Флация пришлась на то время, когда лютеранская церковь, уже консолидировав свои богословские опоры, боролась не за последователей, а за признание в качестве полноправной альтернативы Римскому католицизму. Это стало причиной исключительной актуальности его теологических построений; его взгляды прекрасно характеризуют общий интеллектуальный мир эпохи, и их изучение будет полезно каждому историку, занимающемуся историей Германии или протестантских церквей XVI века.

Итак, пресловутая «радикализация» Флация имеет три фазы и развивается по нарастающей. Внутри этих фаз проблематика богословских трудов и споров, в которых Флаций участвовал, остается более или менее постоянной; кроме того, они соответствуют этапам его начавшейся и закончившейся университетской карьеры. Историк открыто признает, что крутые переломы в биографии Флация вызваны внешними причинами, и берется выяснить, в какой мере события в политике и церковной жизни сформировали его мышление.

Начальный этап интеллектуальной эволюции Флация приходится на 1536–1548 гг., ассоциируется в основном с его пребыванием в Виттенберге и именуется в книге «пред-радикализацией». Первый период собственно «радикализации» (1548–1557) соответствует пребыванию Флация главным образом в Магдебурге. В эти годы он борется по преимуществу против Аугсбургского Интерима и выдвинутой курфюрстом Саксонии альтернативы – т.н. Лейпцигского Интерима. Пережитые в Магдебурге лишения (Осада в ходе Шмалькальденской войны, отсутствие стабильного дохода, потребности растущей семьи) «интенсифицировали не только его рвение, но и апокалиптические настроения»¹¹. Второй этап сравнительно короток (1557–1562) и соответствует пребыванию в Йене на высоких должностях в университете и в церкви. Взлет закончился катастрофой: увольнение Флация из университета и запрет на церковное служение фактически означали изгнание. Следующий этап (1562–1575), несмотря на постоянные попытки очиститься от обвинений, был отмечен углублением «радикализации» богословских взглядов Флация, что привело его к конфликтам, скитаниям, разрыву с большинством соратников и друзей. Отметим одно из важных наблюдений Илича: богословие Флация развивалось в качестве реакции на учения его оппонентов. Оно так и не получило целостного изложения, не было высказано вне контекста диспута единым сводом. Эта особенность богословского метода и даже менталитета Флация заставляла его постоянно конфликтовать, обрекая его даже в случае успеха на сужение круга согласных с ним людей. Под влиянием внешних факторов во взглядах Флация стала всё чаще просматриваться апокалиптическая линия; он видел для себя единственный выход в интенсификации борьбы за Истину. Это обстоятельство может предложить ответ обычному недоумению историков, наблюдающих яростные споры лютеран друг с другом в тот момент, когда, казалось бы, время требовало от них консолидации против вооруженной решениями Тридентского Собора католической церкви.

Историку вполне убедительно удалось показать, что переломные моменты в биографии Флация в целом соответствуют «этапам радикализации» его взглядов. Тем не менее, без ответа остается правомерный вопрос о том, что является причиной, а что – следствием. Так, первым важнейшим событием в биографии Флация Илич считает его встречу с Лютером. Эта точка зрения обычна для лютеранских историков, однако у нас она вызывает серьезное сомнение. Нам представляется гораздо более значимым как для понимания личности, так и для характеристики эпохи то, что произошло с Флацием еще до того, на малой родине и в Венеции. В самом деле, ведь человек, получивший вполне ортодоксальное католическое воспитание и затем отданный на воспитание католикам (пусть и инакомыслящим), поначалу желает вступить на путь церковной

¹¹ См. Піс 2014: 131.

карьеры, но – при всей погруженности в религию и готовности пойти на необходимые лишения – легко дает себя разубедить! Вспомним, что вся последующая жизнь Флация стала примером служения вере и своим убеждениям, отказа от благ суетного мира ради битвы за дорогие ему истины. Встреча с Лютером (кстати, уже на закате жизни последнего) была не причиной, а скорее следствием предшествующей глубокой эволюции и напряженных исканий. Изучение источников показывает, что при всем уважении и даже пиетете по отношению к Лютеру Флаций не переоценивал важности своего знакомства и общения с ним для определения собственных взглядов на вещи. Последовавший конфликт с Меланхтоном стал тому доказательством: авторитет уважаемого учителя отступил перед потребностью отстаивать свое мнение, а соображения необходимости единства не остановили молодого человека. Кстати, важным достоинством подхода Илича является более сложный взгляд на природу взаимоотношений Флация с Меланхтоном, что, в свою очередь, имело важнейшие последствия для церковной историографии (в частности, для формирования концепций «Каталога» и «Центурий»).

Глубокое и во многом новаторское исследование Л. Илича ограничивается, на первый взгляд, богословской проблематикой. Разумеется, целью книги было не написание биографии «вообще», а изучение глубокой трансформации богословских взглядов Флация. Тем не менее, богословие далеко не исчерпывает интеллектуальной мощи Флация, а междисциплинарный контекст в работе Илича по глубине изображения существенно уступает богословскому. Отсутствие в книге развернутой характеристики культурной среды, интеллектуального климата городов, в которых Флаций жил, кратких биографий и взглядов его соратников обедняет картину. Она весьма тщательна и добротна. Тем не менее, для чисто богословского исследования в ней парадоксально «мало богословия»: изложение взглядов Флация могло бы быть подробнее, как и концепции его оппонентов-лютеран. Последнее обстоятельство в целом характерно для современной германской науки, из соображений корректности избегающей изложения взглядов противоположных сторон и особенно вынесения «окончательных» оценок. Тем не менее, Флаций-богослов в книге Илича повисает в воздухе. Из-за этого пресловутый процесс «радикализации» абсолютизируется, ему придается самостоятельное значение, и он начинает зависеть не столько от складывания объективных обстоятельств, сколько от воли самого Флация.

Все сказанное выше вполне объясняется тем обстоятельством, что автор (действующий лютеранский священнослужитель) ставит перед собой не задачу реконструкции прошлого по образцам исторической науки, а сугубо богословские цели. И все же его обращение к прошлому, к одному из известнейших сюжетов истории XVI века вынуждает применить к оценке его труда критерии историографии. Книгу обедняет

и практическое отсутствие еще одного противника – католического богословия в его противодействии флацианскому. Деятельность Флация разворачивается не только в среде бурных диспутов внутри протестантского течения, но и в более широком контексте, включающем в себя, разумеется, и католическое богословие.

Илич, как и некоторые его предшественники, стремится подчеркнуть хорватское происхождение своего героя и его принадлежность к германскому миру (у историка похожая судьба). В тени остался тот бесспорный факт, что в юности Флаций принадлежал к венецианской культуре. Практически всё «хорватское» в его воспитании и образовании, что удастся найти сегодняшним историкам, на поверку предстает элементами более или менее провинциальной культуры венецианского хинтерланда. Если уместно вести речь в целом о «гуманизме» у Флация, то важно подчеркнуть, что гуманизм этот будет венецианским. Культурная связь Флация со своей родиной прервалась рано и быстро, однако это не дает нам права ее игнорировать. Венецианскими корнями мышления Флация еще никто серьезно не занимался, а жаль; впрочем, этот вопрос представляет больший интерес для историков, чем для богословов. В частности, недостаточно изучено знакомство Флация с различными «модными» произведениями эпохи его интеллектуального становления, а в более широком смысле – с проблематикой *studia humanitatis*. Историки часто сообщают читателям о многогранности Флация, о его вкладе в разные сферы деятельности, однако на поверку все развивается внутри богословского дискурса. Книга Илича подробно отвечает на вопрос, каким богословом был Флаций. Пока остается открытым другой вопрос: насколько он был еще кем-то? Исследование Илича показывает, что эта пресловутая «многогранность» исчезает, если ее рассматривать сквозь призму основной цели всей деятельности Флация – установления религиозной истины. Даже публикация хорватского Евангелия, предпринятая Флацием на закате жизни, на поверку оказывается не столько вкладом в развитие родной культуры, сколько оригинальным гуманитарно-религиозным опытом во славу божию.

Жизнь и деятельность Матиаса Флация стала в последние годы полем, на котором появляются новаторские по методологии и проблематике исследования. Основным достоинством работы хорватского историка Луки Илича является установка на динамику развития взглядов и личности в целом. Благодаря этому значение новой книги для современной науки простирается далеко за рамки германистики или истории Реформации. Тщательно реконструированная во времени интеллектуальная эволюция крупного религиозного мыслителя и борца – пример развитой методологии, образец и указатель исключительно перспективного подхода в рамках «истории биографий».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bollbuck H. Wahrheitszeugnis, Gottes Auftrag und Zeitkritik. Die Kirchengeschichte des Magdeburger Zenturien und ihre Arbeitstechniken. Wiesbaden: Harassowitz, 2014. 821 S.
- Gadamer H.-G. Die Universalität des hermeneutischen Problems // Philosophisches Jahrbuch 73 (1966): 215-225.
- Haikola L. Gesetz und Evangelium bei Matthias Flacius Illyricus. Lund, Gleerup, 1952.
- Ilić Luka. Theologian of Sin and Grace. The Process of Radicalization in the Theology of Matthias Flacius Illyricus. Göttingen-Bristol, CT, USA: Vandenhoeck & Ruprecht, 2014. 304 pp.
- Meinhold P. Geschichte der kirchlichen Historiographie. Bd. I, Freiburg-München, K. Alber, 1967.
- Mirković M. Matija Vlačić Ilirik. Zagreb, JAZU, 1960.
- Olson O. K. Matthias Flacius and the survival of Luther's reform. Wiesbaden, 2002.
- Schriftverständnis und Schriftdeutung im Zeitalter der Reformation. Teil I. Matthias Flacius Illyricus. Stuttgart, Kohlhammer, 1936.
- Twisten A. Matthias Flacius Illyricus, eine Vorlesung. Berlin, G. Bethge, 1844.

Андронов Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории исторического факультета МГУ; orgizomenos@gmail.com

A new study in the context of the “history of biographies”

The innovative concept of the theological content in the works by Matthaues Flacius has been proposed in a recent study by Luka Ilić; this concept is reviewed within the context of the existing trends.

Keywords: Church history, Lutheran theology, Matthaues Flacius, 16th Century.

Ilya Andronov, PhD (history), Associate Professor, department of Modern and Contemporary history, history faculty, Moscow State University; orgizomenos@gmail.com